

## **Ричард Длинные Руки – вице-принц**

### **Часть 1**

#### **Глава 1**

В левом корпусе дворца, где я поселил королей, шумно и празднично, пахнет жареным мясом, острыми специями, вином. Служанки таскают кувшины, все до одной разрумяненные, перехихикиваются, глазки задорно и блудливо поблескивают, что значит, их хозяйки уже попадали в объятия внезапно возникающих на пути молодых и красивых лордов, у многих рубашки весьма помяты в определенных местах.

Навстречу идет, придерживаясь за стену и опустив голову, высокий рыцарь в небрежно наброшенном на плечи кафтане, как мне показалось, мертвецки пьян, хоть и на ногах.

Я охнул, узнав с трудом:

- Арчибальд!

Он поднял голову, лицо опухшее, с трудом поймал меня на перекрестье мутного взгляда.

- Ваше... высочество...

Я сглотнул ком в горле, вместо веселого и беззаботного белозубого красавца, на котором и дорогие доспехи всегда сидят щегольски, словно сшиты лучшими портными, сейчас опустившее существо.

- Арчибальд, - сказал я, заставляя себя вместо слов никчемного сочувствия и глупых утешений, которыми его наверняка достали, говорить громко, звучно и высоко, – родина в опасности!.. Настал тот час, для которого мы, настоящие мужчины, рождены на свет! С севера надвигается Тьма Кромешная, она поглотит весь мир, если наши длинные мечи не остановят и не рассеют. Срочно, даже немедленно, дорогой друг, прямо сейчас собирайте всю свою дружину. Прихватите у отца и у всех, сколько сможете... вы меня слышите?.. и навстречу битвам, сражениям и красивой гибели, что решит все проблемы, и покажет миру, чего мы стоим, кем мы были, и какие они сволочи, что нас не ценили!

Он слушал вполуха, но что-то проникало в его череп, глаза постепенно прояснились.

- Навстречу, - спросил он хрипло, - гибели?

- Да, - подтвердил я твердо и возвышенно. – Либо погибнем гордо и красиво, и нас будут оплакивать эти... ну, девы, либо вернемся с победой, и тогда у нас не будет препятствий... вы поняли, граф?

Он медленно расправлял сутулую спину и стал почти тем прежним, надменным и стройным, даже голос прозвучал четче:

- Только прикажите... ваше высочество...

- Все отряды, - сказал я, - грузите на платформы и перебрасывайте в Армландию. Там уже своим ходом двинетесь дальше.

- На Север? – проговорил он сипло.

- Да.

Он потрянул головой, переспросил:

- Все-таки Карл?

- Хуже, - ответил я. – Мунтвиг. Карл уже вдоволь напился человеческой крови, а теперь возжелал духовной пищи. Мунтвиг же примитивно, вот дурак, алчет подвигов и славы... Нам нужно успеть встретить его на границах наших границ, а также рубежей. Или хотя бы не дать ему засадиться слишком уж глубоко в наши земли Скарляндии и Варт Генца... Да, они уже наши!..

Он отклеился от стены, лицо медленно меняется, а сам он из страдающего от неразделенной любви менжнуна превращается в настоящего рыцаря, ведь для нас великие подвиги важнее всего на свете. Правда, я, как истинный политик, на всякий случай забросил червячка, что по возвращении не будет препятствий насчет фиолетовой леди, но это так, вроде бантика, а в лоб о таком приземленном в рыцарской среде говорить неприлично.

- Ваше высочество, - проговорил он крепнущим голосом, - разрешите выполнять... немедленно?

- Разрешаю, - ответил я милостиво. – Еще как разрешаю.

- Спасибо, ваше высочество...

- Вперед, - сказал я в напутствие, - навстречу подвигам и славе!

В большом зале, что чуть поменьше моего тронного, что тоже весьма, в окружении своих лордов пируют короли: Фридрих Барбаросса, Роджер Найтингейл, Херлуф Сильвервуд, и, черт бы его побрал, Кейдан, его я ожидал увидеть меньше всего, а желал бы встретить и того меньше.

Сволочь, он все-таки моложе всех венценосцев, рослый и все так же крепкий, еще и свою отвратительную пегую бороденку сбрил за время нашей справедливой и нужной человечеству и прогрессу оккупации королевства. Возможно, увидел, что мужчины с бритыми подбородками не выглядят так уж женственно, как свысока утверждают его кацапистые советники.

- Господа, - сказал я звучно, обращаясь только к королям, - от

границ запахло кровью! Я хочу предложить вам нечто более высокое, чем наливаться вином и жрать эти немужские сладости. Барбаросса лениво повернул голову в мою сторону.

- Что стряслось, дорогой друг?.. Кого на этот раз стараетесь обжулить?

Я сказал четко:

- Готовятся очень даже обжулить всех нас. Да-да, и вас тоже!

Барбаросса посерьезнел, а Херлуф сказал неспешно:

- А в самом деле, если запахло кровью... как поэтично, кстати, то лучше поговорить об этом... не здесь.

Я покосился на Кейдана, этот молчит и неторопливо поворачивает в растопыренных пальцах вокруг своей оси чашу с вином.

- На втором этаже, - сказал я, - есть такой же зал... только маленький и не такой. А наши благородные лорды успеют за время нашего отсутствия, весьма короткого, с успехом перемыть нам кости.

Лорды заворчали, бросая на меня сердитые взгляды, не всем мой солдатский юмор приемлем, либералы, что ли, свита Кейдана вообще смотрит с ненавистью, но, увы, ножны у всех пусты, стража на входе мечи отбирает у всех.

Найтингейл со вздохом опустил чашу на стол.

- Но мы поместимся?

- Да, - ответил я, - если животы втянем.

Барбаросса сказал степенно:

- Я согласен. Разве у меня живот?

- Согласен, - поддержал Найтингейл.

- Тоже, - сказал Херлуф.

Они все трое поглядывают на Кейдана, однако тот промолчал, затем на меня посмотрел в упор Барбаросса, следом Найтингейл, в глазах короля Шателлена вообще мягкий совет соблюдать приличия, если я рыцарь и достойный правитель.

Я повернулся к Кейдану, на языке вертится то «господин бывший король», то «гражданин Кейдан», но взял мысленно себя за глотку, придушил слегка, мол, недолго ему осталось быть королем, а сейчас мы на людях, вынуждены расшаркиваться и все такое, выдавил светскую улыбку.

- Ваше Величество?

Кейдан даже не изменился в лице, повел бровью в сторону остальных и сказал громко:

- Я украсил тот зал весьма достойно, там хороший стол и восемь

кресел. О важном лучше поговорить там.

Я стиснул челюсти, а короли начали подниматься, словно слово Кейдана для них куда более весомо, чем мое. Как же, все венценосные и легитимные, а я всего лишь принц, да и то коронованный без соблюдения некоторых моментов, к отсутствию которых можно и придраться.

Гуляки за столами свое недовольство по поводу нашего ухода выразили глухим ревом, но слуги поспешно наполнили им кубки и чаши, погасив неродное недовольство так, как делалось всегда со времен Древнего Рима.

Телохранители прошли по обе стороны группы королей, не позволяя беспокоить их величества, а на втором этаже слуги уже распахнули двери и провожали с поклонами к столу.

Барбаросса откровенно осматривается, Найтингейл корректно ничего не замечает и смотрит только на меня, Херлуф кивнул одобрительно, мол, ничего так, никогда бы не подумал, что и у варваров есть что-то, а Кейдан даже бровью не повел, хотя в этом кабинете кресел прибавилось, а пару слишком фривольных картин я в ожидании визита отца Дитриха еще в первые же дни велел бросить в камин.

Комната для совещаний высших военачальников, так я ее позиционирую, светлая, чистая, удобная, с минимумом мебели, а высокие сводчатые окна дают массу света.

Они степенно расселись, все чисто по-мужски: раз кресел двенадцать, а нас пятеро, то каждый оставил справа и слева по свободному месту, у мужчин в крови насчет личного пространства.

- Тревожные новости, - сказал я бодро и возвышенно, - далеко на севере восходит грозная звезда Мунтвига! Это свирепый полководец, он соперничал славой с императором Карлом, великим завоевателем.

Барбаросса поинтересовался с истинно королевским величием:

- Нас это как-то касается?

- Очень, - заверил я. – Как доложили разведчики, император Карл услышал глас Божий, упрекающий его в грехах, раскаялся и, сменив корону на вериги, отправился пешком в монастырь замаливать свои якобы великие подвиги. Однако Мунтвиг моложе и амбициознее, собрал свои армии и двинулся в земли Карла, поспешно подгрывая его оставленные королевства под свою длань.

- Бойкий юноша, - заметил Херлуф одобрительно.

Слуги быстро расставили кубки, я поглядывал украдкой на Кейдана, но тот даже бровью не повел, узнавая свое фамильное богатство.

Барбаросса первым ухватил поставленный перед ним кубок, выпил залпом почти половину, прежде чем сообразил, что это не совсем то вино, которое степенно отхлебывал внизу с простым народом из баронов и графов. Рожа побагровела, закашлялся, с недоумением посмотрел в кубок.

Найтингейл, которому слуга налил из другого кувшина, подчиняясь моим едва заметным знакам, отпил с опаской, посмотрел на Барбароссу с непониманием, сделал глоток побольше, а потом присосался, как паук к толстой молодой мухе.

Херлуф смотрел то на одного, то на другого, а когда сделал глоток, тоже поперхнулся, сказал задушено:

- Что за... вино... Продрало до печенок.

- Рад, - сказал я, - что и вам понравилось.

Кейдану подмывало налить чистого спирта, однако он предельно осторожен, наблюдает за всем и многое замечает. Слуга перехватил мой взгляд и наполнил бывшему королю Сен-Мари из того же кувшина, что наливал Найтингейлу.

Кейдан сделал глоток спокойно и с неподвижным лицом, явно готов ко всему, но я успел уловить тень изумления в глазах, такого изысканного вина здесь пока еще не знают, хотя монахи трудятся над развитием виноделия во всю.

- Мунтвиг на землях Карла не остановится, - сообщил я. – Тем более, что они достаются ему так легко.

- Насколько я понимаю, - пробормотал Барбаросса, - это где-то очень далеко на севере?

- Ваше Величество, - сказал я с мягким упреком, - далекое вчера, может оказаться близким завтра. А то и сегодня.

Он кивнул с самым снисходительным видом.

- Продолжай.

- Мунтвиг, - напомнил я, - всегда соперничал славой с Карлом, хотя его известность больше гремела дальше к северо-западу от империи Карла. Не думаю, что и Мунтвиг вдруг уйдет в монастырь, это была бы слишком большой удачей, так что мы должны быть готовы к нападению на наши земли.

Барбаросса сказал медленно:

- А с каких пор Скарлянды и Варт Генц... ведь речь о них?.. стали нашими землями?.. Почему мы обязаны их защищать?

Херлуф поинтересовался:

- И вообще, что за Мунтвиг?

- Мунтвиг, - пояснил я, - как я уже сказал, был соперником Карла по славе, только этот шел западнее Карла, покорил несколько королевств, в том числе Бургант, Гиксию и Горланд, в королевстве Шумеш потерпел первое поражение, потом были еще неудачи. В конце-концов ушел с войсками далеко на север, где захватил обширные земли и обосновался там.

- А теперь что с ним случилось?

- Увидел, - проворчал Барбаросса, - что нет Карла.

- Карл ощутил себя непобедимым, - сказал я, - и достигшим вершин славы. Но он в своем роде гений, ему мало было побед в войнах, он мог возжелать чего-то еще, более высокого.

Найтингейл хмыкнул.

- Заняться поисками Истины?

- Именно, - сказал я, - а Мунтвиг намного проще, потому опаснее. Он жаждет реабилитироваться после поражения, что было из-за его чрезмерной самонадеянности, когда попытался захватить с наскоку крепость Эвергарт, где положил треть армии и вынужден быть отступить. Он не думает ни о каких монастырях, он постарается побыстрее прибрать к рукам остатки армии Карла, которой сейчас делать нечего, и что умеет только воевать, после чего, уж не знаю, остановит ли его Большой Хребет?

Барбаросса прорычал утомленно:

- Кто решил, что он пойдет так далеко?.

- Там королевства, - объяснил я, - которые входили в империю Карла. Их осталось только подобрать!.. Кроме того, вполне возможно, до него уже докатились вести о сказочно богатой земле за Большим Хребтом, куда сумели проникнуть какие-то армландцы, и куда, конечно же, он тем более войдет с легкостью!.. Ему наверняка рассказали и про берег моря, про флот, пиратов, острова... Это же мечта для завоевателя!

Херлуф взглянул на меня и обронил невинным голосом:

- Вам виднее, юный друг.

Они выслушали меня очень внимательно, люди такого ранга сразу трезвеют, когда речь о важном, а когда я умолк и ждал их реакции, долго сопели, переглядывались, двигали бровями, только Кейдан все так же смотрит мимо меня, а когда замечает, то в лице нет даже ненависти, словно перед ним пустое место.

- Ладно, - прорычал наконец Барбаросса. – Допустим, Мунтвиг в

самом деле сильнее даже Карла. Но почему ты решил, что он не остановится до самого... ха-ха... Большого Хребта?

Найтингейл кивнул, добавил, поясняя мне, как ребенку:

- У него по дороге столько королевств... И везде придется оставлять свои гарнизоны. Так у него совсем не с кем будет идти вперед!

- Увязнет, - коротко сказал Херлуф.

- А если у него, - возразил я, - как у Карла, другая тактика?..

Захватывая королевство, забирать побольше мужчин в свою армию и двигаться дальше?.. Покоренные страны Карлу были уже не интересны. Он был романтиком по-своему и стремился к необычному. А с Мунтвигом столкнуться придется.

- Почему?

- Королевства Скарлянды и Варт Генц, - пояснил я. – Они были захвачены Карлом, до сих пор считаются как бы входящими в его империю. Но эти королевства уже давно отстроились и...

Барбаросса сказал саркастически:

- И обратились к тебе за помощью?

- Король Варт Генца, - напомнил я, - был нашим союзником в сдерживании неоправданной и неспровоцированной агрессии Гиллеберда. Конечно, я откликнулся на просьбу о помощи.

- Слыхали-слыхали, - сказал Барбаросса, - и что даже корону тебе предлагали, а ты так это скромненько: ах-ах, не надо, что вы, как можно, я недостойн, давайте чуть позже, лучше завтра с утра.

- Про чуть позже я не говорил, - возразил я.

Он посмотрел с веселой издевкой.

- Но мы здесь все свои?

- А сам он в Варт Генце, - предположил Херлуф, - обеими руками казну выгребал?

- Это он делает в первую очередь, - заверил Барбаросса. – В общем, Ричард, ситуация складывается такая. Мои лорды не поймут, если призову их собирать войска и вести на север встречать какого-то там Мунтвига, непонятного и неинтересного. Зато обещаю, как твой союзник, помочь защитить твои завоевания, если Мунтвиг подойдет к границам Фоссано.

- Это получится, - возразил я, - будете защищать только себя?

- А Ламбертинию? – возразил Барбаросса. – Она ж так вклинилась между моими Фоссано и Фарландией, что и не захочешь защищать, а придется... Кстати, не желаешь обменять эту Ламбертинию, я давно на нее зуб точил, на что-нить?

- На что? – спросил я.

Он потеревил пояс, где солидно позвякивают широкие металлические бляхи.

- Да хоть на что! Вот на этот пояс, к примеру? Смотри, как хорош! И пузо держит... в пределах.

Я разом ощутил жуткую безнадежность, Барбаросса и так может забрать себе Ламбертинию, в моем положении нечего и плакать. Добрый Найтингейл вздыхал и смотрел на меня с сочувствием. В мудром взгляде я читал, что не стоило так вот поспешно хапать все земли, которые в силу каких-то причин удастся захватить легко и быстро. Захваченное нужно еще и удержать, когда местные опомнятся... а если еще появится противник и со стороны, тогда вообще лучше все бросить и отступить.

## Глава 2

А может, мелькнула неожиданная мысль, в самом деле бросить Скарлянды и Варт Генц? Я же снял с них такой урожай, о котором даже и не мечтал: все налоги сгреб в свой карман, собрал всех крепких молодых мужчин и создал две армии!

Барбаросса поглядывал на меня исподлобья, что-то высчитывает, судя по глазам, наконец пробасил:

- Нет, наш Ричард не отступит.

- Гордость не позволит, - согласился Херлуф.

- Тогда он не государь, - обронил Найтингейл с глубоким сочувствием. – Он все еще рыцарь. Ему бы на турнирах!

Барбаросса прорычал:

- Нам всем жаждет остаться только рыцарями. Однако... во имя счастья подданных мы ведь переступили... некую черту? И пусть запятнали свои имена в глазах обывателей, что ничего не понимают, но судят обо всем, но мы... терпим и работаем для их, сволочей, благополучия?

- Это мы, - буркнул Найтингейл, - мы уже битые, тертые, понявшие... А он еще вьюнош с чистым сердцем, хоть и старается казаться понявшим все, грязным и циничным.

- Потому, - произнес Херлуф с циничной усмешкой, - мне кажется, я выражу общее мнение, когда предложу просьбу о войне с этим Мунтвигом... так его зовут?... оставить без ответа... в его же интересах. В интересах нашего друга принца Ричарда, а не Мунтвига, конечно. У каждого из нас свое королевство, которое

охраняем и бережем, а это первая заповедь государя. Благо наших граждан должно быть для государя выше, чем жажда прославить свое имя в веках.

Слуги внесли на подносе жареное мясо, Барбаросса скривил рожу, остальные лишь скользнули хмурыми взглядами. На королевское угощение все-таки полагается подавать хотя бы целиком зажаренного вепря, оленя или быка, а тут всего лишь тонкие ломтики мяса.

Я сказал виновато:

- У нас не пир, а деловое совещание, потому просто перекус... да и надо заесть вино.

Барбаросса отмахнулся.

- Ладно попируем позже.

Он небрежно взял ломоть мяса и отправил в пасть. Мне показалось, что даже не разжевал, а проглотил, как гигантская утка. Хотя да, мясо настолько нежное, что жевать стоит только для удовольствия, а так само тает во рту.

Найтингейл, ободренный опытом с прекрасным вином, взял тоже ломтик, но едва составленный умелыми дизайнерами аромат шибанул в ноздри, проглотил едва ли не быстрее, чем Барбаросса.

Херлуф, поглядывая на обоих с улыбкой, брал мясо спокойно и с королевским достоинством, не столько ел, как смаковал, наслаждался, а когда встретился со мной взглядом, кивнул с полным одобрением.

- Прекрасная кухня, - сказал он. – Уверен, Его Величество Кейдан тоже доволен, что его запасы все еще украшают столы королевского дворца!

Кейдан чуть наклонил голову, но смолчал.

Барбаросса пожирал мясо, хватая сразу по несколько ломтиков и запихивал пятерней в огромный рот, но когда слуги принесли еще и еще, сдался и только посмотрел грустными глазами на лакомства, что пропадут теперь, не съеденные им лично.

- Скажу честно, - рыкнул он утомленно, - когда ты явился с безумной идеей напасть сообщая на Гиллеберда, я решил помочь только потому... гм... что ты когда-то оказал мне очень важную услугу, а я такое не забываю. Я честно говоря, даже не думал, что мы с такой легкостью справимся, все-таки у Гиллеберда была лучшая в регионе армия, но ты всех обхитрил, нас с Найтингейлом тоже.

Найтингейл улыбнулся, кивнул.

- Да, бойкий у нас родственник.

Барбаросса посмотрел на него в удивлении:

- Родственник?.. Ах да, он же теперь твой полузять, ха-ха!..

Найтингейл ответил с достоинством:

- Я не сказал бы, что это худший из зятей.

- Еще бы, - сказал Барбаросса с тяжелым сарказмом, - это же надо суметь продать дочь дважды! Я бы голову разбил о стену, но не додумался бы. Всегда считал, что такими хитрыми могут быть только сен-маринцы...

Все посмотрели на Кейдана, что за все время обсуждения не проронил ни слова. Сейчас, когда все умолкли и только втихую зыркают друг на друга, не зная, что добавить, и нужно ли, когда все сказано ясно и четко, он пошевелился и сказал несколько манерным голосом:

- Эту реакцию следовало ожидать. Она мне понятна, возражений не вызывает, потому скажу о другом. Несмотря на все разумные слова достойных великих и мудрых королей, мы все же предполагаем, что принц Ричард отправится Мунтвигу навстречу, несмотря на все наши предостережения.

- С голыми руками, - буркнул Барбаросса.

- С теми войсками, - уточнил Кейдан с королевским величием, - которые удастся собрать, пусть даже их будет горстка. А нам стоит подумать, как поступим мы.

Найтингейл сказал завистливо:

- А что вам-то думать? Сен-Мари за Большим и даже очень Большим Хребтом!

- Если Мунтвиг, - ответил Кейдан, - сокрушив все, подойдет к хребту, то самое меньшее, что он сделает – перережет единственный торговый путь между королевствами Сен-Мари, Вестготией и остальным севером.

Барбаросса буркнул язвительно:

- Будете торговать и с Мунтвигом, какая разница?

- Будем, - согласился Кейдан, даже не попытавшись отказываться, - однако Мунтвиг не прекратит пытаться ворваться в наше королевство и предать здесь все огню, а это... нас будет тревожить, если сказать мягко. Потому следует продумать, чем же все-таки помочь этому... принцу.

Я не поверил своим ушам, только никто из королей почему-то не удивился, а Кейдан продолжил:

- Нам важно, чтобы этот принц там на дальних рубежах как можно больше обескровил Мунтвига. И когда сам погибнет, та сволочь с Севера подойдет к нашим границам уже ослабленным. Или вообще не рискнет.

Барбаросса хмыкнул:

- Ваше желание удержать Туннель в нашей власти понятно. Я берусь ввести войска в Армландию и перекрыть доступ на эту сторону.

- Я помогу, - сказал Найтингейл. – Ну, чем смогу.

Херлуф сказал ехидно:

- А вы поможете как? Подгрэбете под себя Ламбертинию?

Найтингейл кивнул в сторону Барбароссы:

- Он подгрэбет ее с такой скоростью, что не успеешь сказать «мама».

Я натянуто улыбался, дескать, шутят, понимаю, хотя на душе становится все холоднее. Это не шутки, все так и будет. Мне трудно было удерживать все в моих руках даже без внешней угрозы, а теперь так и вовсе все рассыплется. А такие лакомые куски да не подобрать...

Тревожная обстановка во дворце начала нарастать с момента срочного отъезда герцога Готфрида, а после появления гонца с вестью о Мунтвиге стало по-настоящему беспокойно и неудобно. Вельможные лорды, собравшиеся на выборы короля, сбиваются в группки, шепчутся, оглядываясь на других и обрывают разговоры, когда к нам кто-то подходит.

Я увидел как в дальнем зале блеснуло золото пышных волос, там в кругу мужчин женщина с прямой гордой спиной и тонкой талией в длинном зеленом платье до полу, она как ощутила мой взгляд и повернулась, крепкая с хорошо развитыми плечами, яркий румянец на молодом лице, блестящие глаза и пухлые спелые губы леди Элинор.

Она с небрежностью оставила рыцарей, расточающих ей комплименты, я молча ждал и невольно любовался ее спелой молодостью и спортивной упругостью ее фигуры, туго натянутой кожи на лице, где ни намек на морщинки, даже мельчайших, и общей чистоты и свежести ее облика.

Издали она чарующе улыбнулась, но когда приблизилась, лицо стало строгим и озабоченно деловым.

- Рич, что теперь?

- Не знаю, - ответил я сердито. – Почему герцог не мог подождать до выборов?

Она без всякого перехода превратилась в разъяренную тигрицу, защищающего малолетнего тигренка:

- Не смей, для него орден Марешаля – самое главное в жизни!

- Два сапога пара, - сказал я горько. – Оба за идею зарежете.

- За идею?

- За любимое дело, - уточнил я. – Дождемся результатов голосования. Я все еще рассчитываю на победу герцога, но если стрясется небывалое...

Она вздохнула.

- Ты так привык к победам? Ричард, даже у тебя не все может идти гладко.

- Мы все просчитали верно, - возразил я, - и готовились долго. Может быть, слишком долго. Это говорит о моей тщательности и осторожности!

- Я дождусь выборов, - ответила она, - однако что-то мне очень неспокойно.

- Берегите Дженни, - сказал я неуклюже. – Как там Родриго?

- Растет, - ответила она с некоторым безразличием, и я понял причину такого резкого поворота от прежнего обожания, теперь всем на свете для нее стал герцог Готфрид, а бедный любимец Родриго, чьи капризы всегда удовлетворялись, впервые столкнулся с тем, что называют воспитанием мужчины. – Скоро его из пажей можно будет в оруженосцы.

- Рано, - сказал я сожалеюще, - умом развит, а силенок пока маловато. Надеюсь, Мартин это учитывает. Где Дженни?

- Я видела ее на веранде.

- Надо с нею повидаться, чувствую себя виноватым.

- Да? Это хорошо, - сказала она с удовольствием, - тогда я сама проведу к ней.

- Спасибо.

Навстречу все чаще попадались в окружении свиты осанистые лорды в парадных формах, слышались зычные голоса глашатаев, объявляющих имена высоких гостей и титулы, возгласы церемониймейстеров, приторно пахнет женскими духами.

Сперва у увидел леди Розамунду и ее подруг, они бросали ревнивые взгляды в сторону, я повернул голову, увидел Дженифер и понял чувства первых красавиц королевства. Провинциалка не уступает им красотой и гордой статью, но настолько вся

наполнена огнем, что все мужчины невольно тянутся к ней, как мотыльки к пламени.

Моих фавориток, точнее, тех фрейлин, которых считали фаворитками, а также тех, кто пытался ими стать, как уже знаю, примирило с Дженифер только то, что она моя сестра.

Более того, все начали набиваться к ней в подруги, удобный повод, чтобы сблизиться с ее грозным и могущественным братом. Она увидела нас с Элинор, поспешила навстречу. На этот раз лицо бледное, в глазах тревога.

- Ричард!.. – крикнула она умоляюще. - Почему все так?

Я обнял ее, поцеловал в лоб, потом не выдержал и прижался губами к пылающей щеке.

- Дженифер, - сказал я с трудом, - все в руке Господа. Герцогу пришлось срочно ехать в Турнедо, для него создание могучего Арндского королевства куда важнее крохотной короны Сен-Мари, а мне, увы, нужно двигаться с войском навстречу Мунтвигу...

Прости, Дженни, что все вот так... ничего я и не успел, но сейчас тебе с Элинор лучше немедленно вернуться в Брабант.

Она вскрикнула:

- Но... разве корона не важнее?

Элинор нахмурилась, а я сказал торопливо:

- Дженни, дело в том, что все владения короля Гиллеберда я передал ордену Марешаля. Земли и замки ламбертинского герцога Блекмура – тоже. Я имею в виду, личные владения. Так что уже сейчас экономическая мощь ордена равна королевской, а возможностей у герцога Готфрида в самом деле будет больше, чем у любого короля. Хотя, если честно, я бы все-таки на его месте сперва завершил все здесь. Корона правителя Сен-Мари не такая уж помеха для великого магистра! Оставил бы меня заместителем, я не стал бы отбиваться.

Элинор обняла нас с Дженифер, несколько мгновений мы стояли тесно, и я вдыхал сладкий аромат женских тел, потом она отстранилась и сказала серьезно:

- Беспокоишься из-за Кейдана?

- Да, - ответил я. – А ты?

Она покачала головой.

- Дженифер нужна была ему из-за Брабанта. Но сейчас Брабант не отгораживается от Сен-Мари, а Кейдану, как мне кажется, есть о чем подумать помимо Брабанта.

Дженифер поглядывала то на меня, то на Элинор. Я сказал с

неприятно:

- Я ему не доверяю. По морде видно, пакостный человек! Потому вам лучше убраться. На время.

Элинон спросила быстро:

- На какое?

- Пока я вернусь, - сказал я серьезно. – Я вернусь! И со всех спрошу.

Она посмотрела на меня пристально.

- Да уж... некоторых уже сейчас трясет.

Дженифер сказала слабо:

- Да? А я больше почему-то замечаю, как многие злорадствуют.

- Я вернусь, - ответил я мстительно, - и устрою Страшный Суд! И будет плач и скрежет зубовой... Простите меня, но вот там вроде бы отец Дитрих.

- Он самый, - подтвердила Элинон с неприятно.

- Простите, я вас покину...

Отец Дитрих как заметил меня, развернулся всем телом, я увидел суровые вопрошающие глаза.

- Отец Дитрих, - заговорил я еще издали, - уж простите меня великодушно, однако сами видите, всеми фибрами и жабрами хотел в тот Храм Истины, однако теперь...

Он вздохнул, мелко перекрестил меня.

- Да, суета сует... Вот так и жизнь проходит в боренье с химерами. Однако, мне кажется ты меня не совсем верно понял.

- Отец Дитрих?

Он взял меня за локоть, пальцы у него на диво цепкие, огляделся и повел к выходу на балкон. Я кивнул сопровождавшим меня телохранителям, и они сразу закрыли дорогу своими телами.

С балкона открывается дивная картина прекрасного Геннегау, но отец Дитрих повернулся к парапету спиной, на меня взглянули мудрые глаза много прожившего, много повидавшего и много понявшего в этой сложной жизни.

- Сын мой, - произнес он мягко, но с укором, - ты не совсем верно меня понял... или я не сумел объяснить достаточно внятно.

- Отец Дитрих?

Он сказал со вздохом:

- Я рекомендовал тебе побывать в Храме Истины вовсе не от имени церкви. И все еще рекомендую.

Я быстро вернулся в зал, ухватил ближайшее кресло и бегом принес на балкон.

- Отец Дитрих, прошу вас. Позвольте, помогу сесть.

Он с легким кряхтением опустил на сидение, в спине звучно хрустнуло.

- Благодарю, сын мой.

- Отец Дитрих, - напомнил я, - вы рекомендуете посетить Храм Истины... от себя лично? Почему?

- Увы, сын мой, - сказал он невесело, - церковь, в силу того, что ее идеалы должны принять сердцем как можно больше людей, подстраивается под их вкусы... нет, требования широких масс.

- И уровень? – подсказал я.

- Да-да, - сказал он, - спасибо. Именно уровень. Люди все-таки в массе хорошие и простые, совсем не герои и не подвижники. Их пугают рассказы о великих аскетах, занимавшихся истязанием плоти, им нужны более простые и понятные примеры того, почему нужно жить по-христиански, а не... язычески.

Я сказал с жаром:

- Это я как раз понимаю, отец Дитрих!

- В самом деле? – спросил он с сомнением. – Ты ведь так молод и горяч...

- Да, - сказал я торопливо, - но я как бы зело ленив ввиду развращенности комфортом... ну, нашими современными удобствами, ишь, мясо жарим уже и на сковородках, какой позор и падение нравов! Потому я и сам хотел бы упрощенного христианства, чтобы и христианином быть, и ничего для него не делать. Но я рыцарь, понимаю, делать надо и через «не хочу», но простой народ через это «не хочу» переступить не может.

Он посмотрел на меня пытливо и с одобрением.

- Понимаешь, - проговорил он с некоторой озадаченностью, - а с виду ты... гм... так мускулист и силен, что тебе мозги как бы и вовсе ни к чему.

- Спасибо, святой отец, вы мне польстили.

- Помнишь, - сказал он, - я как-то говорил о Тертуллиане?

- Да, отец Дитрих!

Он вздохнул, отвел взгляд.

- Тертуллиан сделал для церкви едва ли не больше, чем все апостолы вместе взятые, ну, за исключением Павла. Тертуллиан заложил основы, фундамент учения, однако церковь отказывается признавать его учителем Церкви.

- Из-за его характера?

- Отчасти, - сказал он. - Отчасти. Его пылкий и непримиримый

характер позволял ему одерживать сокрушительные победы в диспутах с языческими мудрецами, однако он с таким же неистовством громил и церковные постулаты, упрекая в мягкотелости, терпимости, беззубости... Его не отлучили от церкви только потому, что тогда такой процедуры еще не существовало, но у многих иерархов церкви и сейчас начинается нервный тик, когда слышат его имя или приходится читать его работы. Так вот, сын мой, в Храме истины, можно сказать, одни тертуллианы...

- Ого!

Он вскинул руку,

- Погоди, погоди. Ты же знаешь, что если бы тертуллианов было слишком много, мир бы рухнул. Только дети искренне верят, что можно получить все и сразу, но взрослые знают, что, увы, мир тяжел и неповоротлив. Если попросить Тертуллиана помочь вытащить телегу из грязи, он потянет коня с такой силой, что оторвет ему голову! Ты понял, надеюсь.

- Да понял я, понял, - сказал я с тоской. – Но без тертуллианов телег вообще бы не построили!

- Тертуллианцы, - сказал он, - могут дать несравнимо больше, чем вся церковь... но только такому же, как и они, и кто может принять их дары, не уронив на ноги. Потому я и советую тебе пройти испытания в их Храме... от своего имени, хоть и тревожусь за их исход.

Он оперся обеими руками на подлокотники, напрягся. Я успел подхватить вовремя, и великий инквизитор поднялся, уже снова суровый и с непроницаемым лицом, чуточку недовольный даже, будто потому, что приоткрылся до такой степени.

Я торопливо преклонил колена и поцеловал ему руку.

- Спасибо, отец Дитрих... Спасибо!

### Глава 3

Сэр Жерар, которого я вообще-то привык видеть возникающим на пороге моего кабинета, незаметно сопровождает меня всюду и появляются, как только начинаю искать его взглядом.

- Ваше высочество?

- Снова не дают поспать сладко, - сказал я раздраженно, - и понежиться на заре под пенье петухов.

- Под пенье петухов? – спросил он. – Вот уж не думал, что под их

отвратительные крики кто-то нежится. Или это вы... поэтически? Подошел граф Фортескью, сдержанный, величавый и внушающий, каким и должен быть глава Министерства по делам иностранных королевств.

- Я бы их всех поубивал, - поддержал он светскую беседу, - но отгоняют нечистую силу, так что пусть орут... э-э... поют. А что стряслось, ваше высочество?

- Отбуду сразу после коронации, - сообщил я шепотом, - унесся бы и сейчас, но... Из Турнедо я поведу навстречу Мунтвигу те войска, что расквартированы в королевстве, там самая надежная и боеспособная армия. А также придется забрать армии из Ламбертинии и Мезины, что вообще-то очень рискованно.

- Даже очень, - сказал сэр Жерар холодновато.

Я сказал с тоской:

- Надеюсь, скоро получу более подробные данные о Мунтвиге. Мы даже не представляем, что у него за силы! Если подберет всю или почти всю армию Карла, да еще с собой приведет вдвое больше...

Жерар сказал так же деловито бесстрастно:

- Ваше высочество, я пойду готовить надлежащие указы прямо сейчас.

Я наклонил голову, отпуская, он коротко поклонился и удалился. Фортескью сказал негромко:

- Ваше высочество, с вашего позволения я послал гонцов во все королевства, что окажутся на пути Мунтвига. Как бы они к нам не относились раньше, но сейчас это естественные союзники.

- С какими предложениями?

- Союз и взаимопомощь, - ответил он.

- Вы все сделали верно, - сказал я, - и... спасибо, граф.

Он поклонился.

- Ваше высочество?

- Что приняли такое решение, - сказал я, - не дожидаясь, что скажу я. Министерство иностранных королевств в надежных руках.

Телохранителей в коридоре прибавилось, как и слуг, я прошел к своему кабинету, дверь услужливо распахнули, я насторожился, рассмотрев в кресле у моего стола мужчину в таком черном плаще, что рядом сама чернота показалась бы белой, на голове такая же черная шляпа с молодецки загнутыми краями, на тулье загадочно помигивают звезды, а если присмотреться, то можно рассмотреть и спиральные галактики.

Он вскочил, едва не опрокинув кресло, сорвал с головы шляпу и красиво раскланялся.

- Принц... мое глубочайше почтение...

- Здравствуйте, - буркнул я, - сэр Сатана. Да сидите, сидите! Разве ваша гордыня позволяет вам вскакивать кому-то навстречу?

- Гордыня не позволяет, - ответил он бодро, - а вежливость просто настаивает!.. Ваше высочество, я с глубочайшим сочувствием хочу выразить искреннее сожаление по поводу... этого случая... с Мунтвигом.

Я сказал саркастически:

- Ну да, можно подумать, что не ваших рук дело. Да сядьте же! А то как издевательство какое... непонятное.

Он опустился в кресло, очень серьезный и растерявший светскую ироничность.

- Моих, - произнес он сдержанно, - или не моих, это не при чем. Я вовсе не хотел причинять вам не только неприятностей, но даже беспокойства. Я в восторге от вашего размаха, ваших преобразований... и чтоб все это смахнуть нашествием какого-то северного варвара?

- А как же, - сказал я едко, - насчет вредить всегда, вредить везде, вредить до дней последних донца? Вредить – и никаких гвоздей? Он усмехнулся, покачал головой.

- Сэр Ричард, вы запомнили обо мне только то, что я, дескать, поссорившись с Творцом, который заставлял нас, ангелов, поклониться человеку и признать его царем вселенной, поклялся вредить этому самому созданию, чтобы доказать его недостойным такого высокого звания. Остальное просто пропускаете мимо ушей. Да и то... та информация пришла к вам от моих противников.

- Вас я тоже слушал очень внимательно, - ответил я. – Так что не совсем односторонне, если уж быть справедливым.

- Да? А то, что я для вас то же самое, что и дьявол? И что сижу в аду и тыкаю вилами в бок грешников?

Я ощутил некоторое смущение, все-таки в самом деле долгое время считал примерно так, хотя сейчас понимаю, как это глупо, но выказывать свои чувства перед Сатаной не стал, еще чего не хватало.

- Но все-таки, - сказал я примирительно, - грешники где-то отбывают наказание?

Он посмотрел на меня с жалостью.

- Вы что, Библию не читали? Я вот, к примеру, ее наизусть помню. Ад был создан для восставших ангелов, не знали?.. Именно для них!.. Людей тогда вообще не было. А первые попали туда очень нескоро, так как жили почти по тысяче лет!.. И первым туда попал Адам, хотя Каин погиб раньше... Но потом, конечно, ад расширялся, совершенствовался, ибо появились грехи, как вы понимаете, которых просто не могли знать ни Адам с Евой, ни даже целомудренные с нынешней точки зрения их внуки... Сейчас там целый мир, сэр Ричард!.. Я не руковожу адом непосредственно, для этого существуют демоны, но могу устроить вам занятную прогулку.

- Нет уж, спасибо.

- Мое дело предложить, - ответил он любезно. – Это расширило бы ваше понимание мира.

- А бы предпочел сузить, - ответил я. – А то человек слишком широк.

- Хорошо сказано.

- Не мною, - уточнил я. – Нужно сперва сузить человека, очень сильно сузить, пустить его буквально по лезвию ножа, чтоб ничего лишнего, а потом постепенно можно и расширять сверкающее лезвие... Но это будет уже расширение христианского мира, а все остальные язычества оставлены внизу во тьме.

Он фыркнул:

- А как же всестороннее развитие человека, которое пропагандирую я?

- Всестороннее, - ответил я, - это развивать во все стороны? Светлые и темные?

Он поморщился.

- Что у вас за примитивное деление? Нет Света и Тьмы! Я говорю о развитии всех способностей и возможностей человека! О гармоничном развитии.

- Хорошо, - сказал я, - это значит, развивать среди всего остального способность врать, предавать, подличать, убивать в спину, о возможности идти по трупам к богатству, власти, известности...

Он вздохнул, закатил глаза.

- Это все ярлыки, не отражающие суть. Человек, как вы однажды сказали, а я запомнил, начал соревноваться с другими с момента, когда покинул семенники и помчался к яйцеклетке, стремясь обогнать остальных триста миллионов таких же... Если он и не

ставил другим подножки, то лишь потому, что еще не умел или еще ноги не выросли. Но как только научился... Однако, горячо сочувствуя вам, я бы подсказал вам решение...

Я поморщился.

- Спасибо, но я уже взрослый.

- Даже седобородые короли, - произнес он серьезно, - прислушиваются к советникам.

- Вот когда отрастет седая борода, - отрезал я, - и я наверняка выживу из ума...

- Сэр Ричард, - прервал он. – У вас грандиозные планы насчет экспансии на Южный континент, у вас уже есть флот или хотя бы часть флота, почти готова железная дорога... вам просто нужно оставить все по ту сторону Большого Хребта! Просто бросить все и забыть! Вы не потянете, вы сами это понимаете. У вас переломится хребет. Вы растеряете и то, что здесь, по эту сторону Хребта. Без вас сгинет флот, растащат на железо рельсы... и все вернется в привычную дикость. Привычную для них, ужасающую для вас. Хотя, скажу с удивлением, вы сумели приспособиться с удивительной легкостью. Похоже, люди со временем не теряют жажду жизни...

Я рухнул в кресло и сжал голову ладонями. Он подошел ближе, я чувствовал его ладонь, что зависла на моим плечом, но так и не коснулась.

- Все бросить? – прошептал я. – Да, это было бы разумно...

Его голос прозвучал над моей головой с явным облегчением:

- Вы приняли верное решение. Тяжелое, но верное.

- Что? – переспросил я. – Разве я уже принял?

- Думаю, да.

- Еще нет, - ответил я сквозь зубы. – Самое разумное решение... не всегда самое лучше.

Я поднял голову, он смотрит с явным сочувствием.

- Все остальное – катастрофа. Быстрая.

- Страх перед катастрофой, - проговорил я с трудом, - лишь увеличивает ее вероятность.

Он покачал головой, а в голосе прозвучала неподдельная горечь:

- Люди еще меньше учатся на своих ошибках, чем насекомые.

- Однако насекомые правят миром, - сказал я. – Они непобедимы.

А умничающих динозавров уже нет... Нет, я все-таки рискну. Как бы это не было глупо. Нет, глупо – не то слово. Безрассудно... да, безрассудно. Потому что рассудок наш еще молод, не всегда

успевают все просчитать и решить действительно правильно.

Он с досадой ударил кулаком в раскрытую ладонь.

- Как вы можете это говорить?

- Что именно не нравится?

Он сказал со все нарастающим раздражением:

- Рассудок!.. Разум!.. Это самое ценное, что есть у человека!

- Да? – спросил я с сомнением. – Я тоже так думал.

- А теперь?

Я ответил медленно:

- Теперь... не уверен.

Он прислушался к шагам в коридоре, отступил к стене и вошел в нее без остатка.

Жерар появился бесстрастный и еще более угрюмый, чем обычно, но повел носом, словно ощутил запах серы, хотя Сатана уходит всегда бесшумно и без всяких запахов.

После того, как постоял с каменным лицом и отсутствующим взглядом, я вздохнул и сказал с легким раздражением:

- Сэр Жерар.

- Ваше высочество...

- Что там?

- Ваше высочество, - произнес он голосом, не предвещающим ничего хорошего, - к вам герцог Чарльз Фуланд, вельможные лорды Фридрих Рюккерт, Карл Кнебель и Оскар Лаубе.

Я ответил настороженно:

- Проси.

Он отступил и не просто оставил дверь открытой, а распахнул и вторую половинку, что делается только для особо торжественных или церемониальных случаев.

В кабинет лорды вошли важно и церемонно, с неспешностью испанских гелионов, груженных золотом Монтесумы. Я с трудом удержался от непроизвольного желания отвесить поклон, словно это я к ним вошел, а они определяют, какую работу мне поручить на кухне.

Все держатся с властью высших лордов, у которых и земельные владения побольше, чем у короля, а дружины получше, и золота в разы, так что на самом деле короля выбирают они, что бы там не хотели другие лорды, которые попроще.

На этот раз все при полном параде, и хотя не в доспехах, но бриллиантов на одежде и драгоценных камней столько, что та же защита.

Остановились, что показалось мне похоже на боевой порядок, так корабли готовятся к залпу, чуть-чуть наклонили головы вместо традиционного поклона, плохой признак.

- Лорды? – сказал я вопросительно.

- Ваше высочество, - ответили они почти в один голос.

- Что привело вас на ночь глядя? – спросил я. – Кстати, проходите дальше, располагайтесь. Вина?

Герцог Чарльз Фуланд, как самый старший, величественно и неспешно сделал отметающий жест.

- Нет-нет, спасибо. Мы зашли на минутку, рассаживаться некогда. В ровном голосе я не услышал враждебности, скорее, как бы слегка извиняющуюся нотку, вроде того, уж простите, но приходится вам отрубить голову, не обижайтесь, жизнь такая вот смешная.

- Слушаю.

Он заговорил достаточно почтительно, но твердым и властным голосом именно верховного лорда, облеченного властью и полномочиями:

- Ваше высочество, вы знаете... просто не можете не знать, что когда шла подготовка к избранию нового короля, большинство стояло за герцога Готфрида.

Я ответил настороженно:

- Да, слышал такое.

- Чуть меньше, - произнес он, не поведя и бровью, - было за прежнего короля Кейдана.

- И эти слухи доходили, - ответил я.

Он ответил так же ровно:

- А еще где-то каждый десятый высказывался за вас, ваше высочество.

- Я польщен высоким доверием, - ответил я. – Теперь что-то изменилось?

- Как и ожидалось, - произнес он с холодным сочувствием, - после внезапного отъезда герцога Готфрида в Савуази, чтобы принять должность великого магистра Ордена Марешаля, многие ощутили себя оскорбленными таким пренебрежением к выборам короля...

- Но не слишком же, - пробормотал я.

Похоже, Фуланд, как и другие, заметил по моему лицу, что и я предпочел бы, чтобы герцог принял сперва корону, а орден оставил на потом, потому что ответил почти с сочувствием:

- Увы, ваше высочество.

- Насколько? – спросил я.

Он ответил ровным голосом:

- Большинство ощутили себя задетыми настолько, что высказываются за Его Величество Кейдана.

Я охнул, в глазах потемнело, пальцы мои вцепились в спинку кресла с такой силой, что там треснуло. В голове резко застучали острые молотки.

- Что? – спросил я сразу охрипшим голосом. – Но это... это невозможно!

- Почему? – спросил он. – Почему?

Остальные молчали, с виду совсем равнодушные, но я видел в их глазах и сочувствие ко мне, и поддержку позиции герцога Фуланда.

- Кейдан уже не король! – сказал я зло. – Какой он король, если прятался в Ундерлендах?

Фуланд чуть поморщился, а Фридрих Рюккерт напомнил достаточно живо:

- Ваше высочество, сейчас он в Геннегау.

- Да какая разница! - выкрикнул я. – Он убежал от меня!

- От отступил под натиском превосходящих сил, - уточнил Фуланд.

– И вообще... мы не обсуждает действия Его Величества. Мы пришли сообщить вам заранее о своей позиции. Нам это показалось... более достойным, чем просто поставить вас перед фактом.

- Спасибо за рыцарский жест, - ответил я едко, - однако я намерен сделать все, чтобы не допустить Кейдана к трону!

## Глава 4

Фуланд помолчал и развел руками, но взгляд его, как и остальных, оставался тверд и ясен. Я походил в раздражении по кабинету, хотелось что-то пнуть, разбить, наконец остановился перед герцогом и тоже уставился на него со злым нетерпением.

- Ну и?

Он произнес так же холодно:

- В выборах участвуют только местные, как вы и распорядились... несколько опрометчиво. Хотя иначе вообще-то было нельзя, ваше решение было продуманным, ваше высочество. И что вы сделаете, когда лорды выскажутся за Кейдана?.. Зальете королевство кровью?.. Будете истреблять местное рыцарство,

аристократов, все дворянство?.. Простолюдинов тоже придется истреблять, ибо они за своих господ, как вы знаете... Как вы поступите?

- Не знаю, - рыкнул я. – Но выход найду!.. Меня не так просто прижать к стене рогатиной!..

Он ответил ровным голосом:

- Как знаете, ваше высочество. Я только хотел бы избежать гражданской войны.

- Я тоже!

- Мы знаем, - сказал он почти с сочувствием, - вы с момента вторжения очень сильно укрепились, а ваша армия здесь превосходит численность дружин сен-маринских лордов. Не говоря уже, что еще одна армия утихомиривает окончательно сломленный Гандерсгейм. Однако наши замки и крепости надежны, туда уже свезены запасы провизии... да-да, мы предполагали, что может произойти!.. и наше достоинство рыцарей и благородных людей не позволит нам смириться с чуждой властью, которую не мы выбрали!

- Тогда вам придется выбрать меня, - прорычал я люто, - и гражданской войны не будет!

Он развел руками.

- Как мы можем выбрать вас королем, когда у нас есть Его Величество Кейдан?

- Вы считаете его достойным королем?

Он покачал головой.

- Увы... скажем откровенно, здесь все люди серьезные и зрелые, да, герцог Готфрид самый удачный претендент, и он был бы устраивающим всех королем. Он и сен-маринец, и герцог, и герой войны... не только в Гандерсгейме, ведь это он привел вас с той стороны Большого Хребта и ударил вместе с вами варварам в спину!

А Рюккерт добавил с патетическим восторгом, уж не знаю, насколько он искренен:

- После чего разбил в битвах и гнал в пустыню, где и закончил разгром! Однако, уж простите за прямоту, после его отказа остается только Его Величество король Кейдан.

Я сказал зло:

- Раньше вы его называли просто Кейданом!

- А теперь, - согласился он, - Его Величеством. Вы не знаете, видимо, но часть лордов после отъезда герцога Готфрида тут же

переметнулась к Его Величеству и даже присягнули на верность? Я вздрогнул, острая тревога больно сжала сердце. Этого в самом деле не знал. Похоже, лорды кое-чему от нас научились и действуют так же быстро и скрытно.

- А не предательство ли это интересов Сен-Мари? – спросил я. Он выпрямился, во взгляде надменность уже начала зашкаливать.

- Ваше высочество, - произнес он все тем же до предела вежливым голосом, что равен оскорблению, - вы бросаетесь тяжкими обвинениями в адрес благородных рыцарей! Интересы Сен-Мари мы связывали и связываем с... Сен-Мари. Раньше их олицетворяли Его Величество король Кейдан, затем после его бегства от варваров и победного вторжения в их лагеря герцога Готфрида, множество лордов поговаривали, что герцог был бы более достойным королем... А тут еще оказалось, что он ваш отец...

- А я его почтительный сын, - напомнил я. – Потому я, можно сказать, тоже сен-маринец  
Он покачал головой.

- Если бы вы женились на одной из знатных женщин нашего королевства, то... может быть, да, может быть. Однако герцог уехал, ваше высочество, и не желает принимать корону. А когда нам приходится выбирать между вами и Кейданом, то, простите, рыцарская честь и верность диктуют нам, как поступать по справедливости.

Он говорил ясно, четко, ни тени сомнения не прозвучало ни в его чистом голосе, как не увидел я колебаний в лицах и взглядах его соратников.

Он, как и все рыцари, что признали Кейдана своим королем, гордо и красиво пойдут в кровавый бой, так же гордо и красиво сложат головы, о них будут песни, а я везде предстану кровавым тираном-узурпатором.

- Знаете, - сказал я сдержанно, - давайте окончание разговора отложим до выборов короля.

Он поклонился, отступил.

- Как скажете, ваше высочество. Лишь бы это не было поздно. Ваше высочество...

- Лорды, - ответил я церемонно, стараясь, чтобы голос прозвучал холодно, но сам уловил в нем жалобно-щенячью нотку.

Сэр Жерар переступил порог и плотно закрыл за собой дверь, как только я перестал слышать в коридоре шаги верховных лордов.

- Ваше высочество, - произнес он, пренебрегая протоколом, - как вы?

Я спросил со злостью:

- Но почему? Почему от нас так резко... отшатнулись?

Он покачал головой.

- Я бы не сказал, что резко. Изначально только часть сен-маринских лордов приняла нас искренне, да вы это и сами знаете, только тогда в упоении на такой пустяк внимания не обращали. Другие признали вас только по необходимости, подчиняясь явной силе. А потом, когда рассмотрели вас, все увидели, что под вашей рукой королевство хоть и достигнет вершин славы, однако вы - сильный правитель, а сильный всегда подрезает крылья могущественным лордам, что постоянно его в чем-то да сдерживают и ограничивают.

Я вздохнул, подтащил к себе по столешнике тяжелую чашу с вином, но пить не стал, задумался, спросил с неуверенностью:

- Опасаются Великой Хартии и здесь, в Сен-Мари?

- Вы и без хартии их прижали, - напомнил он. - Потому даже те лорды, что сперва приняли вас с восторгом, начали подумывать, а стоит ли ради величия королевства жертвовать своими свободами и вольностями?

- Кейдана они ни во что не ставят, - согласился я. - Такой король удобнее всем этим... слишком самостоятельным.

Он смотрел на меня привычно мрачно, ожидая распоряжений, я молчал, заново напоминая себе, что власть в королевстве мы сумели захватить, используя внезапность нападения, и то, что армию якобы ведет герцог Готфрид Брабантский. Большинство лордов Сен-Мари симпатизировало ему в его глухом сопротивлении Кейдану лишить Брабант независимости, он как бы отстаивал и их свободы.

А дальше, быстро установив гарнизоны в ключевых постах, мы сумели убедить местных лордов, что на их власть не посягаем, а в королевстве перемены будут только к лучшему.

- Период растерянности прошел, - сказал я горько, - мы так и не доказали, что с нами жить лучше...

- Доказали, - возразил он и добавил почтительно, ваше высочество...

- Так почему?

- А что такое «лучше»? - спросил он. - Да, богаче. Да, появился флот и выход в океан. Началась бурная торговля с севером через

Туннель...

- Ну-ну?

- Но вы посягнул на их власть, - напомнил он. — Для них это важнее чем все те блага. Потому, общаясь друг с другом, они не только пришли к выводу, что чужаков нужно отодвинуть от управления, но и придумали, как это сделать.

Я кивнул.

- Похоже, основные разногласия между собой постепенно преодолели, даже соперничество на время забыто. И вот, на тебе, почти единый фронт...

- Что теперь?

Я процедил сквозь зубы:

- Еще не вечер. На голосовании могут быть сюрпризы. Кстати, пошлите срочно гонца к стальграфу Филиппу Мансфельду. Прямо сейчас.

В это утро дворец проснулся настолько рано, что, возможно, и не засыпал. Куно уже прибыл из поездки по королевству и, еще не войдя в здание, распорядился прислать добавочных поваров и слуг для вельможных гостей, нечего им бездельничать в домах богатых геннегауцев.

С его появлением все стало несколько упорядоченнее. Я вызвал барона Эйца и велел тихонько, не привлекая особого внимания, усилить охрану дворца.

Он поклонился, хмурый и настороженный.

- Ваше высочество, осмелюсь заметить, у меня недостаточно людей, чтобы охранять дворец, если...

- Что «если»? — спросил я резко.

Он вздрогнул, вытянулся.

- Ваше высочество, если даже я знаю, то вы точно слыхали... И о том, что король Кейдан приготовил переворот, и что у него сил больше.

Я пробормотал:

- Как раз насчет переворота я не слышал. Думаю, просто слухи. Люди обожают преувеличивать, так жить интереснее. Если наших мало, тогда сосредоточьтесь на охране моего корпуса и моих личных покоев. А к городу уже спешит рыцарская конница стальграфа Мансфельда. Я ее еще вчера вызвал.

Он вздохнул с великим облегчением.

- Это будет неслабая помощь. Еще бы и арбалетчиков хотя бы

сотню...

- За конницей спешат пешие части, - заверил я. – Я распорядился и насчет четырехсот арбалетчиков. Надеюсь, подоспеют до голосования. Или хотя бы вовремя.

Он сказал сумрачно:

- От этого зависит, уцелеют ли наши головы. Хорошо, ваше высочество, я пойду крепить оборону.

Утренние часы тянулись отвратительно долго и тревожно. Я ходил взад-вперед по кабинету и мычал от злости, стараясь понять, как случилось, что я почти один в огромном чужом городе, который сдуру считал своим, как получилось, что Палант и Растер с троллями – сдерживают Буркхарта в королевстве Вендовер, рядом в Ламбертини устанавливают новый порядок Будакер и Альбрехт, вот уж кого так не хватает, Ришар беспечно наносит на карту береговую линию Сен-Мари и прочих королевств, если они там есть, верный Меганвейл объезжает войска в Ламбертини и следит, чтобы лорды не вздумали поднимать головы, Шварцкопф укрепляет мою власть в Мезине, Макс в Турнедо проводит маневры больших масс копейщиков, обучая их взаимодействовать с конницей.

Даже лорды второго и третьего плана, но тоже верные и преданные, как сэр Бальдфаст Бредли, сейчас в дальних королевствах, принуждая их к мирной жизни, некоторые соратники вообще занимаются ерундой, как вон Боудеррия, что охотится на всякую нечисть.

И, главное, все мои могучие армии, набранные и обученные по новым стандартам, как на зло - в далеких Ламбертини и Мезине, а в Сен-Мари только две турнедские: стальграфа Филиппа Мансфельда и рейнграфа Чарльза Мандершайда.

Дверь приоткрылась, я не видел, кто вошел, но обостренное в минуты опасности чутье уловило запахи, даже ароматы, и сразу нарисовало образ настолько чудесной женщины, идущей прямо в мои загребушие, что я проговорил сквозь зубы:

- Бабетта?

Она шла ко мне с выражением полнейшего сочувствия на лице, даже обе руки вытянула, и я поднялся, дал себя обнять, а она сказала мне в грудь:

- Как это ужасно...

- Да, - согласился я, - но ты это уже говорила.

Она чуть отстранилась, взглянула снизу вверх.

- Когда?

- Вчера, - ответил я. – Это же ты приходила в черном плаще и в шляпе с пером? Прямо из стены?

Она покачала головой, в глазах появилась тревога.

- Ты не болен?

- Значит, не ты, - сказал я с удовлетворением. – Понятно, вторая попытка... Давно известно, где Сатана сам не может, туда посылает женщину. Итак, ты хочешь сказать, что мне надо оставить по ту сторону Большого Хребта все-все, закрыть Туннель и сосредоточиться на преобразовании Сен-Мари?

Он не отрывала от моего лица настолько удивленного взгляда, что даже ротик приоткрыла в удивлении, что ее несколько не портило.

- А ты откуда знаешь, - проговорила она почти шепотом, - что я хотела сказать именно это?

Я сумел усмехнуться, несмотря на едкую горечь разливающуюся в груди.

- Ты просто повторила еще раз... Сэр Сатана, я не передумал! И отвечу вам в личине такой прекрасной женщине то же самое. Я попробую дать отпор! Еще не знаю как, но... попробую.

Она вздрогнула, зябко повела плечами.

- Рич, ты в самом деле болен!.. Ты весь горишь... Какой Сатана?

Я взялся одной рукой за крест на груди, другой коснулся ее плеча.

- А если скажу «Да воскреснет Бог...»

Она вскрикнула:

- Да я сама скажу это с тобой! Ричард, что случилось?

Я сунул крестик обратно за пазуху.

- Значит, - сказал я, - в самом деле Сатана, потерпев поражение, послал тебя... Бабетта, а чем императору... про твоего настоящего хозяина в черном плаще уж промолчу... выгоднее, чтобы я оставил Север и занимался Сен-Мари? Только откровенно! Понимаешь ли, я уже научился чувствовать, когда мне врут.

Она примирительно усмехнулась.

- Да, я заметила, твои силы растут. По крайней мере, перемещаешься по королевствам даже быстрее меня. Но, увы, Ричард, этого недостаточно, чтобы связать их в единое целое.

- Тоже мне новость, - сказал я саркастически. – Так почему?

- Император, - сказала она нехотя, - полагает, что ты сумеешь создать развитое королевство, что войдет в империю Германа не так, как сейчас... а реально, когда твой могучий флот свяжет эти

земли через океан...

- А что флот императора? – спросил я. – По слухам, это что-то необыкновенное? Да ты и сама меня им стращала.

- Да, - ответила она с заминкой, - только...

- Ну-ну?

- Имеются серьезные ограничения, - ответила она еще неохотнее.

– Однако это не отменяет того, что флот императора всегда будет сильнее, что бы ты не сумел построить!

- Да я и не задираюсь, - сообщил я. – Мой флот – это естественная необходимость растущего королевства для торговли, добычи полезных ископаемых, всяких там медных руд, железных, оловянных... но не брезгаю по бедности серебром и золотом. Других задач перед ним не ставлю.

Она вздохнула, как мне показалось, с облегчением.

- Император на это и надеется.

- Знаешь, Бабетта, - сказал я, - я здесь так часто слышал, что мужчины рождаются для битв и славной гибели, что уже и сам почти поверил. И хотя, как политик, я должен отбросить все сантименты и руководствоваться только холодным разумом... но я в таких случаях нехотая вспоминаю, что я – рыцарь. И я клялся на мече защищать тех, кто сам защитить себя не может. И потому я либо сложу голову, во что ну никак не могу поверить, либо раздеру Мунтвига и его армию, как Бобик тряпочку!

Она печально вздохнула, в ее глазах была мольба. Я поцеловал ее в лоб и, развернув к двери, подтолкнул в спину.

- Прости за этот дружеский жест... Но мне нужно подготовиться к выборам.

- Да, - ответила она уже на пороге. – Крепись.

## Глава 5

В большом соборе на площади зазвонил колокол. Спустя минуту со всех сторон города поплыли тягучие, как застывающий мед, звуки колоколов помельче, но тоже важные, привыкшие не только повелевать, но и видеть, что на их призывы откликаются немедленно и поспешно.

Первыми зашевелились лорды, расположившиеся со всеми удобствами в шатрах за стеной города. Я видел из окна как неспешно выходят, неспешно одеваются, неспешно садятся на коней, ибо лорды все должны делать неспешно, суетливость

обязательна именно для слуг и людей черного звания. Снизу время от времени торжественно гремят фанфары, приветствуя кого-то настолько знатного, что прям из ушей выплескивается эта важность и спесивость.

Телохранители, чувствуя неладное, стараются держать между мной и остальными хоть какое-то пространство, но когда я сошел на первый этаж, там в центре зала большая группа властных и сильных вельмож, в их числе герцог Фуланд, сэр Фридрих Рюккерт, Рудольф Герман Лотце, лорды Вильгельм Рошер и Карл Людвиг Кнебель, Оскар Лаубе, Бенедикт Карберидж, барон Френк Ховард, верховный лорд Джералд Бренан, очень богатый и могущественный землевладелец, лорд Джеймс Гарфильд, лорд Уильям Дэвенант и лорд Томас Фуллер, что по своему могуществу и влиянию по-прежнему оказывают заметное влияние на жизнь в Сен-Мари...

Не двигая головой, я зыркнул чуть налево, там еще одна группка лордов, сэр Трандерт, Жерар и Бульбоне, сэр Витерлих, Анри Готмар, Бовман, граф Биллун... ундерлендцы, они хоть и шли за мной, но прекрасно понимают, что автономии Ундерлендов при Ричарде не видать, а Кейдан в благодарность за поддержку вообще может дать полную независимость.

Прямо перед лестницей стоят, гордо расправив плечи, герцог Боэмунд Фонтенийский и герцог Алан де Сен-Валери – первые и самые ближайшие советники и сторонники Кейдана, не оставившие его даже в изгнании. На лице Боэмунда полный триумф, а герцог Алан не может удержать рот от расползания в полную восторга простонародную ухмылку.

Мои телохранители взяли копыа наизготовку, а герцог Боэмунд медленно опустил ладонь на рукоять меча, глаза горят дикой радостью.

Следом за ним взялись за рукояти мечей еще несколько человек, все сильные и решительные, создававшие свои маленькие империи огнем и кровью и умеющие их отстаивать.

Я остановился за пару последних ступеней, внутри все клокочет от ярости и в то же время сжимается от ужаса и чувства неизбежности поражения.

- Я вижу, - сказал я громко, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрогнул и не выдал, как я чувствую себя на самом деле, - вы все готовы к выборам короля! Еще как готовы. Хочу сообщить, что сейчас в Геннегау входит армия стальграфа Филиппа

Мансфельда. Вы его знаете, он отразил высадку пиратов, так что к крови привык. А так как он турнедец, в Сен-Мари для него все чужое, то его люди зальют здесь все кровью со спокойной душой и не оставят камня на камне.

Бозмунд вскипел, его ладонь упала на рукоять меча.

- Пусть попробуют! – закричал он бешено. – Нас все равно больше!

- Но не все из вас воины, - отпарировал я. – А там – все, к тому же они прошли огонь и воду. Все-таки хотите потягаться?

От второй группы поспешно отделился герцог Фуланд, бросился между нами и простер руки в стороны.

- Тихо-тихо, - крикнул он таким мощным голосом, что оглянулись даже в дальних концах огромного зала, - имейте уважение к моим седидам! Никакого кровопролития не будет, обещаю.

Бозмунд кивнул в мою сторону и сказал едко:

- Вы обещаете и от его имени?

Фуланд даже не повел в мою сторону глазом.

- Принц Ричард, - сказал он строго, - не боится проливать кровь, но делает это лишь по острой необходимости. Вы тоже могли бы это заметить!

- Не заметил, - сказал Бозмунд дерзко, но руку убрал с рукояти. – Впрочем, сегодня выборы короля, и каждый получит свое!

- Получит, - подтвердил Фуланд. – Потому сейчас нам всем нужно пройти в зал, где и произойдут выборы. Ваше высочество, это в коронном?

- Нет, - ответил я. – В тронном. В самом деле, будем решать все проблемы демократическим путем. Прошу вас!

Я учтиво указал рукой в сторону тронного, однако Бозмунд заявил дерзко:

- Нам не требуется ваше разрешение, сэр Ричард!

Он пошел первым, раздуваясь от чванства, а за ним вся его группа. Остальные ундерлендцы, что раньше группировались вокруг герцога Ульриха с их отстаиванием автономии, колебались, но пошли за ними, постепенно сливаясь в одну большую группу.

Выборы короля предполагались по стандартной процедуре: каждый лорд заявляет, кого он хочет королем, но я тогда воспротивился и предложил более демократичным вариант: дабы потом король не отомстил тем, кто будет за другого, сделать

голосование тайным.

Никто не понял, что это такое, а я предложил заготовить одинаковое количество черных и белых шаров, раздать лордам, и пусть вбрасывают черный шар или белый в ящик в зависимости от того, чье имя названо.

Лорды возмутились таким непотребством и диким предположением, что король как-то будет мстить или выражать нелюбовь тем лордам, кто голосовал против, но я настаивал, убеждал, уговаривал, объяснял преимущества, и наконец те сдались.

И вот сейчас у каждого лорда по три белых шара и по три черных, по два на кандидата, все прячут их в рукавах, куда и делось страстное желание делать все открыто, вот так демократия и побеждает...

В зале яблоку негде упасть, столы вынесены все, чтоб не мешали, кроме тех, что на возвышении, там сидят важно и неподвижно, как толстые жабы на болоте, верховные лорды, им доверена процедура наблюдения за голосованием, а также подсчет голосов. Во главе комиссия в составе герцога Фуланда, лорда Вильгельма Рошера и лорда Рюккерта, как наиболее доблестных и благородных как по происхождению, так и по незапятнанной репутации.

Генеральный церемониймейстер прокричал мощно, гордясь расширением своих функций:

- Голосуем за герцога Готфрида!.. Голосуем за герцога Готфрида!.. Напоминаю, если желаете его королем Сен-Мари, то опустите белый шаг, если нет – черный...

Двое его помощников начали обходить в зале лордов, держа накрытый красным бархатом ящик. Голосующие по очереди совали под ткань руку и что-то опускали, но из-за широких рукавов увидеть, кто что положил, невозможно.

Когда обошли весь зал, ящик поставили на видном месте на столе. Возле него встал с мечом наголо королевский гвардеец.

Церемониймейстер прокричал еще мощнее:

- Голосуем за принца Ричарда!.. Напоминаю, если вы желаете его королем Сен-Мари, опустите белый шаг, если нет – черный...

После обхода всех-всех, ящик поставили рядом с первым, но спутать трудно, на каждом свой герб, а церемониймейстер провозгласил так же мощно и, как мне ревниво почудилось, еще торжественнее:

- Голосуем за Его Величество короля Кейдана!.. Напоминаю, если желаете, чтобы он оставался королем Сен-Мари, опустите белый шаг, если нет – черный...

После долгого и утомительного обхода всех лордов в зале, как же их, оказывается, много, все ящики поставили на столе рядом, видные всем, а собравшиеся наблюдают, как верховные склоняют головы друг к другу, переговариваются, далеко не все скрывают, за кого голосовали.

Пересчитывают, кстати, в открытую, то есть, достают шары и выкладывают на стол, а с ними считает и весь зал. Наконец Фуланд пошарил в ящике, демонстративно перевернул его над столом вверх дном.

- Подсчет голосов, - провозгласил он торжественно, - поданных за герцога Готфрида закончен!

В зале задвигались в нетерпеливом ожидании. Фуланд что-то шепнул главному церемониймейстеру, тот медленно и важно обогнул стол и вышел вперед.

- Имею честь сообщить, - заявил он трубным голосом, - за доблестного герцога подано семьдесят два голоса!

В зале повисло короткое молчание, но едва церемониймейстер попытался вернуться к Фуланду, многие завопили:

- А общий счет?

- Сколько голосов?

- Черные почему не названы?

Фуланд поднялся и, опираясь руками о стол, потянулся к церемониймейстеру и что-то настойчиво проговорил на ухо. Тот кивнул, сказал с тем же натужным оптимизмом, сейчас совершенно неуместным:

- Черных подано триста девяносто два!

В зале наступила ошарашенная тишина, за моей спиной сэр Жерар пробормотал:

- Вот что значит, отсутствовать на собственных выборах...

Я сказал сквозь зубы:

- Сволочи, обиделись? Ничего, пожалеют!

За столом тем временем шел подсчет голосов за Кейдана, шары вытаскивали из ящика по одному и, демонстрируя залу, складывали на столешнице, а там их подхватывали и уносили.

Все ждали с нетерпением, пока судьи шептались, переговаривались, наконец результат шепнули церемониймейстеру, тот снова вышел впереди стола и

провозгласил жирным торжественным голосом:

- За Его Величество Кейдана подано триста восемьдесят белых шаров и восемьдесят четыре черных!

В зале многие вытаращили глаза, мне показалось, что даже те, кто хотел бы вернуть Кейдана, ошарашены таким количеством голосов в его пользу. Возможно, втайне полагали, что я приготавливаю что-то особое и не допущу Кейдана вообще.

Напряжение в зале возросло, когда начали подсчет голосов, поданных за принца Ричарда. Многие вытирали покрасневшие и взмокшие лица рукавами, но когда в зал сунулся слуга с кувшинами холодной воды, его чуть не побили, выталкивая прочь. Церемониймейстер дважды переспрашивал, судя по его растерянному виду и наклонам к Фуланду, наконец вышел вперед и вскинул руку ладонью вперед.

- За принца Ричарда, - провозгласил он мощно, остановился, охватывая орлиным взглядом притихший зал, а затем проревел с такой победной мощью, что я едва не подпрыгнул от радости: - подано... подано... подано триста семьдесят пять голосов и только восемьдесят девять – против!

Кровь моя разом застыла, а свет померк в глазах. Я даже успел подумать, что не грохнуться бы в обморок, ну неужто я такой чувствительный, ну просчитался, первый раз, что ли, но все-таки с горечью понимал, что никогда еще так страшно и катастрофически не падал с высоты мордой на камни.

В зале словно взорвался вулкан. В воздух взлетали шапки, рукавицы, платки, крики перешли в рев, могучий и победный. Герцог Фуланд поднялся во весь рост, вскинул руки, и, велик авторитет самого родовитого лорда, шум начал стихать, все повернули в его сторону головы.

Он произнес громко и властно:

- Во избежание возможных волнений и недоразумений в будущем, мы продумали заодно и вопрос престолонаследия, ибо, как всем известно, у Его Величества двое прелестных дочерей, но нет сына, который мог бы впоследствии принять из рук отца корону и так же мудро править страной.

Он повернул голову к Рюккерт, тот воздел себя, величественный, худой и благородный настолько, что посрамил бы создателей рыцарских кодексов.

- Мне получено, - провозгласил Рюккерт надменно, - сообщить, что Совет Лордов, который продолжает работу, постановил по

результатам выборов короля провозгласить еще раз Его Величество Кейдана, а его наследником – принца Ричарда... Я стиснул челюсти и несколько мгновений пытался подвить страшную ярость. В зале, хоть и продолжали кричать славу Кейдану многие повернулись и заинтересованно уставились на меня.

За столом судей шушукуются и с тревогой посматривают в мою сторону, мой гнев понятен, и для того, чтобы его смягчить и повязать меня с их выбором, мне и навязывают это наследничество...

Я даже застонал, сердце вот-вот разнесет грудную клетку взрывом, в глазах уже кровавое море, но в зале и за столом смотрят на меня, я же рыцарь, должен вести себя достойно, в зале все рыцари и почти все намного старше меня. Я поклонился и проговорил с трудом, стараясь удержать лязгающую от ярости нижнюю челюсть:

- Прошу прощения у архиепископа Дитриха, отсутствующего здесь герцога Готфрида Брабантского и всего благородного рыцарства!.. Я хочу напомнить вам всем, что у герцога Готфрида есть законнорожденный сын Родриго от леди Элинон, благородной хозяйки замка Брабант, с которой герцог был повенчан тайным браком еще до того, как его побудили вступить в брак с благородной леди Изабеллой. С моей стороны будет неблагородным поступком пытаться вклиниться впереди Родриго, законного наследника. Потому я прошу утвердить принцем короны своего брата Родриго, а меня – вице-принцем, как и надлежит по писаным и неписанным законам, будь это правила престолонаследования, геральдики или просто здравого смысла! Я отступил, поражаясь, как смог все это выговорить складно, будто это не меня трясет от ярости, словно не я рву их всех на клочья, разбиваю о стены, размазываю по плитам пола. За столом наступило замешательство, я надеялся, что будет коротким, но лорды продолжали шушукаться, знатоки старинного права вступили в яростный спор друг с другом, ибо в разных королевствах наследником назначается то старший сын автоматически, то король сам выбирает из своих сыновей, кому передаст трон, но это уходит в прошлое, ибо часто вызывает свары и гражданские войны, в последние поколения чаша весов начала склоняться в сторону права старшего сына в любом случае.

С другой стороны, я все-таки незаконнорожденный, и хотя бастарды зачастую сами становятся основателями династий, однако во имя спокойствия и для избегания гражданских войн в обществе обычно предпочитают путь закона, то-есть, трон должен переходить к прямому и законному наследнику.

Сэр Жерар прошептал за спиной:

- Мудрое решение ваше высочество...

Я рыкнул:

- Молчи, удавлю.

Насколько помню, с этими престолонаследиями в самом деле каша, случайно однажды цесаревич Павел разработал и подписал Акт о престолонаследии, чтобы исключить в будущем возможность отстранения законных наследников. Он вводил, как он сказал, наследование по закону, «дабы государство не было без наследников, дабы наследник был назначен всегда законом самим, дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать, дабы сохранить право родов в наследствии, не нарушая права естественного, и избежать затруднений при переходе из рода в род».

Правда, и потом возникали всякие неприятные нюансы.

Лорд Фаулер поднялся во весь рост и сказал торжественно:

- Принц Ричард предложил без проволочек и долгих обдумываний, как обычно это делает, самое приемлемое решение... Итак, кронпринцем, наследником престола, назначается Родриго, законный сын герцога Готфрида, а сэр Ричард – вице-принцем!..

Он не успел сесть, как поднялся дотоле молчавший лорд Вильгельм Рошер, грузный, массивный и подавляющий уже только своим видом.

- Решение Совета Лордов, - прогудел он низким голосом, - основанное на волеизъявлении всех благородных лордов королевства, сумевших принять участие в выборах, объявляется окончательным и не подлежащим пересмотру!.. Мы довольны, что нашли компромисс между всеми главными силами, представленными в королевстве!..

Он посмотрел на Фуланда, тот широко улыбнулся и сказал раскатисто:

- Всем небольшой отдых, а через час в большом тронном зале предстоит коронация!.. Далеко не расходитесь!